

ДАНАСТАР

БУЙНЫЙ

Плохие и горячие парни

Дана Стар

Буйный

«Дана Стар»

2019

Стар Д.

Буйный / Д. Стар — «Дана Стар», 2019 — (Плохие и горячие парни)

Четыре года за решеткой. Боль. Ненависть. Страдания. И долгожданный побег! Сбежав из тюрьмы, я укрылся в богом забытой глуши – в деревне, в расшатанной, убитой жизнью лачужке, что принадлежала одинокой деревенской девушке. Её били. Над ней издевались. Но теперь всё будет иначе. Бык вырывается из загона... Берегитесь. В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дана Стар Буйный

Пролог

Она стояла в шаге от меня с тесаком в руке и дрожала, как напуганный до полусмерти беспомощный зайчонок. Рваный халат уродливыми хлопьями свисал с истощенного тельца малышки, а на носу выступила свежая кровь. Кажется, её даже не смущало, что на ней, кроме рванины, больше ничего нет. Лишь голенькая грудь с искусенно торчавшими сосками и нежная киска, покрытая ордой мурашек.

Ох*еть!

В штанах мгновенно стало тесно. А поскольку воровать чужое белье было как-то стремновато, то член было не обуздать. Встал как кол. На всю свою нехилую длину. Твёрдый, налившийся горячей кровью и спермой, готовый в любую секунду лопнуть от грёбанного недержания.

Бля. Как не вовремя.

– Ты ножичек то это... убери, – старался помягче базарить. Но девчушка была настроена весьма воинственно. – Не то... ручки поломаю.

Зря я это прыснул. Идиот.

Ну и кто ты после этого? Не лучше тех сраных утырков. Один из них даже обоссался, когда задом вылетел в окно, а мордой – в коровью лепёшку.

– Не двигайся! Не подходи! Или пожалеешь!

Зашипела она с угрозой в голосе, а сама дрожала, как будто ей за шиворот сыпнули боченок льда. И нож в её бледненьких ручках лихо подпрыгивал, в то время как на густых ресницах мерцали крупные бисерины слёз.

– И что же ты сделаешь, красавица? Я уже заценил твои перлы. Не будь меня рядом, они...

Лучше заткнись!

Сама виновата. Я к ней по-доброму, кулаки замарал о чужое дерьмо, а она выпендриваться вздумала! Огрызком тут своим размахивает. Хоть бы спасибо сказала, что не дал двум прыщавым мудозвонам оттрахать соплячку до сквозных дыр.

– Ты кто такой? И как оказался в моём доме?! – взгляд исподлобья, трясётся как в лихорадке, но все равно этим своим взглядом изумрудных глаз бросает мне, сучка, вызов.

– Никто. И звать меня никак. А вопросы тут буду задавать я. Усекла? – лениво зевнул и поднялся с пола, соблюдая железное спокойствие.

Как вдруг...

Девчонка совсем чокнулась! Она, сделав неуклюжий выпад вперёд, попыталась пырнуть меня в грудь сверкающим обрубком.

Дрянь такая!

Её убогие манёвры воспринимались мною как в замедленном действии.

Опыт в драках приличный. Реакция молниеносная.

Одной рукой перехватил дуреху за затылок, а другой – заломил хрупкую, изувеченную жуткими гематомами ручонку за спину так, что девчушка жалобно взвизгнула, благодаря чему мой лютый пыл моментально усмирился. Затем я ловко выхватил из маленького кулачка лезвие, вжал девку ягодицами в свой пах и острым концом тесака коснулся хрупкой шейки обездвиженной жертвы.

– Только пикни или дёрнись. И ты труп. Глотку рассеку – моргнуть не успеешь.

Девчонка будто не дышала. Напряглась. Замерла.

Считанные секунды... И она безжизненным мешком просто осела на пол.

Прекрасно. Отлично, мужик!

Напугал хudyшку до очередного обморока.

Еле-еле успел убрать нож подальше, иначе бы задел, не дай бог, во время непредвиденного падения. Я успел подхватить её на руки буквально за секунду до удара головой о гребаный край табуретки. Прижал к торсу и подофигел от адского, чтоб его, дискомфорта в паху, когда девчонка впечаталась сосками в мою стальную грудь, а её умопомрачительная щелочка напоролась на мой каменный стояк.

И я кончил.

Прямо в штаны.

От такой хреновой х*еты.

От одного, мать его, случайного прикосновения.

Глава 1

Блеклые лучи солнца быстро-быстро мелькали над сеткой из высоких тенистых деревьев. Кривых таких, до жути уродливых. Как в фильме ужасов. Того и гляди, чертовщина какая на голову свалится и в пекло утащит – глазом не успеешь моргнуть. А спустя пару минут лучи и вовсе исчезли в непроходимой сосновой роще, тянувшейся на тысячу километров вдаль, без конца и края.

Дело близилось к вечеру. Лес начал стремительно погружаться во тьму.

Холодало. Одежда была насквозь в говне. Жрать и спать охота. Да еще и огнестрел, сука, болит до одури! Сколько я уже в бегах? Вроде бы двое суток. Или... трое?

Кажется, я начинаю бредить и теряться в реальности.

Неудивительно. Без еды, воды, теплой одежды, да со сквозной дырищей в брюхе такими темпами бегать осталось недолго. Нужно срочно найти ночлежку. Перекантоваться там денёк-другой. В противном случае все усилия, чтобы обрести долгожданную свободу, можно смело отправить в одно глубокое место.

– Ау-у-у-у-у!

Твою ж мать!

Позади, примерно в пяти минутах ходьбы от меня, раздался протяжный, устрашающий вой.

Проклятье!

Я нервно выругался сквозь стиснутые зубы и ускорил бег, стараясь дышать носом и не наступать на грёбанные сучья, чтобы избежать лишнего шума, а также возможности быть обнаруженным и, как итог, пойманным. Или, того хуже, насмерть застреленным при попытке нарушить закон.

Проваливаясь в болотную грязь по колено, лицом натываясь на острые, режущие кожу ветки, я бежал по этому клятому лесу уже больше суток. Без передышки.

Откуда столько сил? Откуда мотивация?

Да все легко и просто! За спиной свистят шальные пули, а у задницы клацают острые, как бритва, зубья бешеных ментовских псов.

Кругом – дремучие таёжные заросли и непроходимые болота, в которых я был вынужден прятаться от конвоиров, что бросились по моим следам, поставив на уши чуть ли не всю армию родины-матушки.

И как я так ловко дал деру?

Пришлось знатно попотеть!

Соблазнил медсестричку на зоне, та душу продала за регулярный перепихон. Долго мы мутили. Не только потрапушки, но и план побега.

Короче, разработали целую Санта-Барбару, чтоб её.

И всё же я это сделал. Удрал! На волюшку смылся, мать её!!!

Не верю. Ах-ха-ха! До сих пор, млять, не верю!

Пробежав ещё треть километра, чтобы перевести дух и отдышаться, на пару секунд я прислонился спиной к дереву. Закрыв глаза. Со свистом выдохнул, схватившись рукой за левый бок, который истекал кровью, пульсировал и горел адской, нечеловеческой болью. До темноты в глазах. До дрожи в конечностях и холодного липкого пота.

Падла! Бочина! Бочина-то как болит! Грёбанные ушлёпки!

Тачку медсестрички остановили у КПП, и один из постовых пальнул мне в спину, когда я понял, что лафа не удалась. Они полезли открывать багажник, а оттуда я, млять, выскочил, бешеный и озверелый, как натасканный бык, и поздоровался кулаком с харей мудаков, после чего в лес рванул. Но один мудачелло все же пальнул напосошок. В спину.

Благо, хоть навывлет прошла.

Ещё и псины увязались.

Одну сволочь замочил. С дерева прыгнул и камнем... Приглушил.

Люблю животных, особенно собак. Была у меня в детстве точь-в-точь такая же овчарка.

Жаль дворнягу. Она ведь свой долг выполняла, отлавливая таких вот мудозвонов вроде меня.

Прости, пёсик. Правда. Прости, друг.

Я жить хочу. На волю хочу!

Если поймают, башку снесут без разговоров. Пулю в упор. В голову.

Бросил камень в болото. Руки в крови. Вытер о штаны и снова побежал.

Сутки шараялся по лесу, заметал следы, прятался то на деревьях, то в болоте, пока не утопил там свои ботинки. Как-то киношку видел, где зек один точно так же учудил, чтобы менты приняли беглеца за утопленника. Авось прокатит!

И я попробовал. А сам в болотных кустах спрятался и раза три чуть было не провалился на это смердячее дно и не пошёл в расход на корм жабам.

– Ну что скажете?! За*бался я уже гоняться за этой мразью. Может, он и вправду подох? Утопился? Глянь! Лорд что-то нашёл.

Укрывшись в кустах, я видел, как ментовский пёс вытащил мой сапог из трясины. Чтобы псина не учуяла запах, я измазался в медвежьем дерьме.

– Сапог. Всё ясно.

– Ладно, сваливаем. Видать, и вправду захлебнулся, сукин сын!

– Вот теперь понятно, почему целая бригада вторые сутки подряд рыскает под каждой кочкой, да никак не сыщёт гниду.

– Тут самое место падали.

– Ага. В своей стихии.

– Я бы, честно, не прочь был из него всю говноту выбить. Затрахал меня. Мразота та ещё. Пристрелил бы. В башку. Чтобы мозги по земле размазались. Бесит, тварь.

– Говорят, бывший чемпион подпольных боёв.

– Ага, пизд*т тот, кто говорит. Мы ему каждый день с парнями хлебало чистили, воспитывали, так сказать. Ни хера он не чемпион. А дерьмо собачье.

Выродки заржали, а их смех начал стремительно отдаляться.

Помянув беглеца «добрым словом», хуи в погонах закрыли дело о побеге и отправились обратно в застенки. Я сжал кулаки, сцепил зубы до хруста, чтобы не сорваться и не проломить им черепа за словесную грязь и ложь, в которой они меня топили. А за издевательства в камере – яйца бы каждому оторвал и в плотку затолкал, чтобы жрали и давились.

Никогда! И никто из них, включая других заключённых, за четыре с половиной года каторги так и не поставил меня на колени.

Слишком опасен. Крайне беспощаден. До пены на зубах агрессивен.

Часто срывался и месил в тюрьме своих ненавистников до кровавого поноса и рваных ран по всему телу.

Говорил же себе!

Буйный. Не буянь! Придержи внутреннего быка.

Но нет же. Слишком горд и слишком взвинчен.

Горячая кровь, трудное детство, четыре года строгача сделали своё дело.

И я такой, какой есть сейчас.

То бишь... Конченный психопат.

* * *

День в пути. Как же жрать охота! Ещё и рана, сцука, жжёт невероятно.

Воспаление, не иначе. Пару дней – и мне кранты.

Но, слава обстоятельствам, пережив двое суток изнурительного похода в никуда, в конце концов я вышел на некую проселочную дорогу, что привела меня в неизвестное, богом забытое село.

Кругом нищета, грязь, смердит коровьим дерьмом... Атас, одним словом.

Но грех жаловаться. От меня, между прочим, смердит не лучше. И на этом спасибо, что отыскал хоть какую-никакую, но цивилизацию.

Время близилось к вечеру. Подкравшись к окраине деревни, я присмотрел одну-единёхонькую и кривёхонькую избёнку, что зазывно расположилась у самой границы лесополосы.

Отличное решение! Может, хоть пожрать да освежиться получится, ибо моя нынешняя одежда насквозь пропитана вонючей тинной, а ноги сверкают голыми пятками.

Потрахать, кстати, тоже бы не помешало.

Этого я, кстати, желал не меньше, чем корочку свежего хлеба.

Затаившись в кустах, я решил устроить предварительную слежку, заодно и оценить обстановку в доме. Не прошло и часа, как оттуда высунулась симпатичная мордашка светловолосой девчушки.

Вот те на.

Ну, привет, красотка!

Вот, значит, кто в теремочке живёт? Молоденькая такая, худышка. Лет двадцати, не больше. В стареньком халате, с косынкой на голове. Тащит грабли, которые раза в три больше её самой.

И от этой увлекательной картинки я вдруг почувствовал, как член в штанах требовательно дёрнулся и за долю секунды налился свинцом.

Ещё бы!

Голодный, зараза.

За четыре года воздержания разве что собственный кулак имел и жирноватую медсестричку с огромной дыркой, в которой можно было пропасть без вести, затеряться или провалиться в другое измерение.

Красивая. Молоденькая. Незнакомая. Сама невинность.

Яйца в труселях настолько дико зазудели, требуя немедленной разрядки, что на некоторый миг я даже забыл о жуткой рези в боку от огнестрела.

Ну трындец!

А в башке тем временем вспыхнули грязные мыслишки! Как я швыряю девчушку на сеновал и по самое «до упора» имею. В этой ее косыночке, в платице как у настоящей деревенской простушки. Наматываю золотисто-пшеничные косы на кулак и засаживаю в миниатюрную попку до темноты в глазах, судорог в пятках и её голосистых девичьих охов.

Очуметь, я спятил. Идиот.

М-да уж. Вконец, видать, чокнулся от знатного спермотоксикоза.

Девочка потопала в сторону поля, а я напрягся, готовясь действовать.

Первым делом необходимо было пробраться в дом, найти что-нибудь пожрать и переодеться. А то мой помойный запах привлекает внимание. Даже пролетающие рядом мухи дохнут. Насекомые, по крайней мере, уж точно. Комары больше не кусали, когда я фекалиях вывалялся просто ради того, чтобы выжить.

Оглянувшись по сторонам и убедившись в том, что никого рядом нет, метнулся к избе. Думал, через окно карабкаться придётся или вскрывать замок. Но дверь оказалась не заперта. Неудивительно.

Когда я вошёл внутрь, сердце неприятно кольнуло. Внутри избёнка выглядела ещё ущербней, чем снаружи. Хозяйева халупы, вероятно, мазохисты.

Как можно, спрашивается, существовать в подобной нищете? Интерьерчик хуже, чем в карцере строго режима.

Порылся в шкафчиках. Нашёл бочонок молока, полбуханки чёрствого хлеба. Весь есть не стал – совесть не позволила. Залпом умял половину белого, запил молоком.

Кайф!

Кажется, я только что получил ментальный оргазм!

На столе нашёл пару яблок.

Сладкие... Видать, домашние.

Голод полностью утолить не удалось, но желудок всё же сказал спасибо – перестал урчать и болеть.

* * *

В доме было несколько комнат. В том числе имелась некая комнатка с огромным ржавым тазом. Походу, ванная. А из покрывшегося плесенью потолка торчал кусок шланга.

Понятно. Там, на крыше, скапливалась дождевая вода и через якобы душ попадала внутрь.

Помимо кухни, в халабуде имелось ещё две комнаты. Типа спальни. В обеих – ржавые, полуживые кровати, застеленные пожелтевшими и залатанными простынями.

Врагу не пожелаешь жить в таких условиях.

Интересно, а та девчонка одна здесь всем заправляет?

Покопался в комодке, отыскал там кое-какие вещи. Хорошо, хоть мужские. Спортивные штаны и футболка.

Вот и ответ на вопрос! С мужиком златовласка живёт. Правда, сейчас в избёнке я находился совершенно один. По делам, видать, хозяева отлучились.

Одёжка оказалась маловатой. Пришлось чуток разорвать в плечах. С моими-то габаритами всегда было сложно шопиться. Обычно шмотьё шилось на заказ.

К счастью, на нарах я не сильно сдулся. Лизочка – медсестричка наша (та самая, что вытащила меня из тюрьмы) – раз в неделю вкалывала мне гормон роста под видом инсулина, благодаря чему я по-прежнему держал исключительную форму и с виду напоминал жилистого быка. Точь-в-точь такого же, как на татуировке, что набил себе на груди, ещё будучи подростком. Когда встретил своих... названных братьев. За что и получил кличку – Буйный.

* * *

Кое-как освежившись в якобы ванной, я наспех переоделся, а старое шмотье утрамбовал в ведро для мусора. Надо бы сжечь тельняшку-то тюремную или закопать от греха подальше. Не то спалиться – раз плюнуть.

Уже было собирался покинуть лачужку, как вдруг инстинктивно дёрнулся и напрягся, услышав торопливый топот и жалобные девичьи всхлипы снаружи сарая.

Руки в кулаки. Принял боевую стойку и, затаив дыхание, спрятался за облезлой дверью банной, готовясь всыпать люлей первому вошедшему недругу.

Зашибись, приплыли.

Этого ещё не хватало!

Гости у нас, кажется.

Твою ж мать!

* * *

Задыхаясь и рыдая навзрыд, она пулей влетела в дом, со всей мочи хлопнув дверью. Щелчок замка, её судорожный вздох, что набатом ударил по моим ушам, на короткий миг оживили окружающее пространство.

Всё было бы ничего, если бы подворье дома также не заполнили и другие голоса. Хриплые такие, зловещие, принадлежавшие двум мужчинам.

– Стоять, сука! – зарычал один недоробок.

– Открыва-а-ай! Или дверь вышибем! – подхватил другой.

– Уходите! Оставьте меня в покое! – забившись в угол между прихожей и кухней, девчонка обхватила своё дрожащее тельце тощими ручонками и тихонько тонула в слезах, но при этом пыталась отвечать твердо и уверенно, без единого намёка на страх. – Я дедушку позову! Он ружьё купил!

В ответ на угрозы раздался басистый хохот.

– Да дед твой уже сдох, поди, на поле, пока картоху сажил.

– Пизд*т она, Рыжий! Я лично видел, как его в пятницу на скорой увезли.

– Ну и отлично. Значит, никто нам не помешает...

– Открывай, шлюха! Все знают, что ты шлюха! Дешёвка и давалка! Деньги гони! Давай, бля!!! Не беси! Иначе... Знаешь, что будет.

Писец.

Влип я, походу.

Кулаками чую – нехорошее дело назревает. Вон как костяшки чешутся, хоть кожу ногтями сдирай. Можете считать меня экстрасенсом, но правда, когда такое происходит, это означает лишь одно – очень скоро кому-то придётся начистить репу.

Супер!

Разборок мне, бл*ть, чужих для полного счастья не хватало!

А так хотелось прийти и уйти по-тихому из этого, чур его, села.

– Нет у меня денег! Ну правда... нет, – закрыла ладошками рот, подавляя в душе истошные вопли отчаяния. – Всё отдала. До копеечки.

– Тогда отработывай! Открывай и отсоси! Зачтется тебе.

Снова черед мерзких смешков.

А потом грохот.

Как будто нечто звонкое с силой разбилось о пол. Стекло, например.

Сквозь дверную щель в ванной я увидел фигуру, стоявшую ко мне спиной в черной спортивке, и девчонку эту, светловолосую, что от ужаса, казалось, прилипла к той грёбанной стене и с ней же намертво срослась.

Незнакомка всё так же немощно сидела на полу и беззвучно рыдала, закрыв рот ладошками. Тряслась вся. Аж подбрасывало бедолажку в воздухе. Огромными, широко распахнутыми глазами она смотрела на того мудака, что всё-таки забрался в дом через окно и, оскалившись, как голодный шакал, уверенно крался в сторону своей жертвы.

Она смотрела на недоноска с такой щемящей болью и невообразимым ужасом, как будто видела перед собой саму смерть. А мне вдруг стало так... так больно и тошно, что хотелось выдрать из груди собственное сердце, лишь бы унять эти необъяснимые ощущения в области рёбер, когда я смотрел на хрупкую, но такую отважную малышку, понимая, что она обречена и у нее нет ни шанса спастись.

– Ну здравствуй, Алечка. Чё гостей прогоняешь? А! Не воспитано так-то. Не по-братски. Придётся учить манерам. Иди сюда, сучка!

Проклятье!

Валить надо было. А я кайфовал да намывался здесь, как у себя дома.

Теперь-то что?! Застукают – придётся всех порешить.

Я ведь не убийца... но жизнь в заточении, в настоящем пекле, взяла своё.

Не хочу снова на зону.

Уж лучше в болоте утону!

– Кисель, открывай! Я тоже трахаться хочу! – недовольно отозвался дружок-недоробок снаружи хаты, продолжая херачить входную дверь кулаками.

– А что, через окно слабо?

Их было двое. Два деревенских недоделанных гопника. Я таких обычно называл просто и лаконично – ошибки природы. Второй, психанув, тоже ворвался в избенку через окно. Когда тот первый отвлёкся, девчонка вытащила из кухонного шкафчика нож и, выставив прибор вперёд, защищаясь, с угрозой зашипела:

– Отвалите от меня! Вон пошли!!!

– Ах-ха-ха! Глянь-ка! Картина маслом прям. Брось каку, иначе сам порежу. Такое красивое личико... Ты ж не хочешь проблем, детка? Не хочешь уродливых шрамов на своей милой моське?

Она закричала ещё громче, обливаясь ручьями слёз, но один из гандонов сильным замахом руки ударил её по лицу. А второй, когда девчонка упала, зарядил ей ботинком в живот.

Твари!

Не вмешиваться! Только не вмешиваться!

Дыши! Дыши! Дыши-и-и, Макс! Чтоб тебя!

Не смотри! Не лезь! Не делай ерунды!

Буйный! Только спокойно, только спокойно!

Не позволяй внутреннему быку вырваться из загона.

Не твоё это дело. Не лезь на рожон! Нельзя палиться.

– На стол стерву клади, да ноги пошире раздвинь. Сейчас повеселимся!

Девчонка что-то мычала, пыталась извиваться, сопротивляться. Её лицо полностью тонуло в крови... Нос разбит. А некогда чистое платье разукрасилось насыщенно-красными кляксами.

Ублюдки ржали, укладывая девчонку на шатающуюся столешницу. Тот, что был повыше, держал её за руки, а второй прямо на ней зверски рвал платье.

– Нет, значит, бабок? А?! Тогда дыркой отработывай. Правила знаешь. Не первый раз ведь предупреждали! Хочешь жить на нашей земле – плати. Не хочешь...

– Не живи! – перебил первого товарищ.

Девчонка находилась в полудрёме и закашливалась, глотая хлещущую из носа кровь.

Сил бороться с внутренними принципами «за» и «против» больше не было.

Это пиздец!!!

– Ноги ей разведи, бл*ть! И за руками следи. Чтобы в рожу не вцепилась.

– Лучше сразу поломать. Для профилактики.

Расхохотались, долбо*бы.

Один – прыщавый брюнет, второй – дрыщавый конопатый хер, который, спустив штаны, вытащил наружу свой уродский, обросший рыжеватой волосней обрубок, и навис над мальшкой, что практически лишилась чувств, захлебнувшись в собственной крови.

Быстрым движением руки рыжий задрот сорвал с незнакомки трусики, широко развёл маленькие ножки в сторону, поставив их ступнями на край стола, и приготовился впихнуть своё убожество в аккуратную и такую маленькую щелочку.

Я не смог больше смотреть на эту херь.

Впервые в жизни я испытал нечто такое, от чего мою эгоистичную душонку в буквальном смысле разодрало на куски.

Внезапно девчонка резво дернулась и закричала. Каким-то необъяснимым образом она вырвалась из цепкой хватки прыщавого и с яростью полоснула ногтями конопатого по лицу.

– Бляха! Тварюка! Сказал же, держи, а не дрочи!!!

На роже рыжего отчётливо проявились глубокие царапины. Зарывав от боли, кретин схватил малышку за волосы и с яростью ударил головой о стол.

Это была последняя грань моего железного терпения.

Это была конечная точка невозврата.

Да простят меня небеса за мои грехи!

Глава 2

Выскочил из укрытия, как ебучий ураган! И со всей своей долбанной агрессией заехал сначала одному выродку природы по роже, затем другому. Они даже пикнуть не успели. В глазах ушлепков полыхнул вселенский страх. Кажется, кто-то из недоносков сходу наделал в штаны – в воздухе «заблагоухало» нечистотами. Аж слёзы на глаза навернулись.

Метелил их чёткими, профессиональными ударами по печени, по морде, по обвисшему от страха члену и снова по печени. Глушил пидоров в порядке очереди, как любимую боксёрскую грушу. Сначала рыжего, потом прыщавого, рыжего и прыщавого... Щедро раздавал апперкоты направо и налево. Легкотня. Ушатать этих дохликов даже легче, чем у ребёнка много конфету отжать.

Мрази летали у меня по комнате, как резиновые отскакивая от одного угла к другому. Только и слышал их ссыкливый мат, и то, с каким приятным звоном сыпались их зубы, ударяясь и отскакивая от пола. Обожаю эту мелодию! Даже название придумал композиции – «Ода выбитых зубов».

Вот уроды! Не ожидали такого сюрприза!

Видели бы они свои морды в момент, когда я, зверея, съёс дверь банной и вылетел к ним навстречу с крепко сжатыми кулаками. В подобные моменты, в моменты опасности или предстоящего боя на ринге, когда адреналин плавит вены, когда пульс бьётся с частотой десять ударов в секунду, я напрочь лишаюсь рассудка. Мною управляет животная агрессия. Человечность на время подавляется. Я действую не разумом, а телом. Точнее – кулаками и ногами. Но мой коронный финт в боях – удары головой. Именно поэтому ребята-беспризорники, с которыми я полжизни провёл на улице, и прозвали меня быком.

Максим Быков. Даже фамилия соответствовала прозвищу.

Ребята говорили так: «Ты тот, кто наносит удары врагу рогами и копытами. Тот, кто топчет противников насмерть без капли жалости, будто они какое-то мерзкое и ничтожное насекомое».

Но не только из-за этого меня нарекли Буйным. В первую очередь потому, что я заводился с пол-оборота, стоило только обидчикам или противникам махнуть перед моим носом красной тряпкой. И я долго остывал, а в качестве тряпки могли выступить как слова, так и поступки. Как, например, сейчас.

Сделав из рож этих днищ паштет, вышвырнул мразот в то самое окно, через которое они влезли на чужую собственность. Только жопами вперёд.

Выбесили сучары!

Девчонку жалко...

Маленькая такая. И вся в кровище.

А я придурок. Эгоистичный. Нужно было раньше вмешаться. Ещё до того, как конопатый ублюдок нанёс бедняжке первый удар.

* * *

Отряхнул руки друг о друга и пулей бросился к девочке, что лежала распятая на столе, в порванной одежде, замаранной кровью, без сознания.

Мать моя женщина!

Как же так...

Твари шизанутые!

Так сильно отделали, что, кажется, еле дышит худышка.

Прощупал пульс. Есть. Но слабый!

Быстро подхватил девушку на руки и понёс в комнату.

Нужно срочно остановить кровь, обработать раны и согреть бедолажку!

Девочка сама, как из хрусталя литая. Худенькая такая, маленькая. Если взять меня и её, то она, скорей всего, даже в прыжке до башки моей не допрыгнет.

Ну точно как Дюймовочка. Я ее одной рукой легко держал, когда нёс из кухни в спальню, ни капли не напрягаясь.

На кровать положил, а сам к комоду метнулся, потому что вспомнил, что в одном из ящиков видел бинт и перекись. Лёд бы к голове приложить, да нет у них в доме холодильника. Каменный век на дворе, блин. Одолев не один десяток километров грёбанного леса, я словно очутился в ином измерении, отсталом таком, оторванном от цивилизации. Где, кроме облезлых изб и чеканутых питекантропов (я о тех пустоголовых уебонах, что пытались поймать хрупкую беззащитную девушку), ничего другого не имелось.

Упал перед ней на колени и дрожащими руками начал вытирать уже засохшую кровь на лице. Девчонка не моргала. Но дышала. Грудь девушки едва заметно поднималась и опускалась в такт вдохам и выдохам. А я залип, когда её аккуратные сочные мандаринки увидел. Обнажённые. С торчащими сосками, оттенка нежного персика. И, к слову, мгновенно протрезвел. Успокоился. Ибо лютое бешенство сменилось дичайшим возбуждением. За секунду до этого мои руки тряслись от злости, а сейчас начали трястись от жажды секса.

Не удержался всё-таки. Ладонь на её сисечку шмякнул. Сжал сосок между пальцами с такой алчностью, что в паху прострелило.

Нет, бычара ты неугомонный! Нельзя сейчас.

Тронешь её – станешь ничуть не лучше тех звезданутых мудозвонов.

Личико малышки досуха вытер и скривился. На скуле, на шее, даже на маленьком ушке уже начали проявляться уродливые синяки. Маленький курносый носик тоже припух. Осторожно прощупав припухлость, я гневно выматерился сквозь сжатые челюсти, мысленно огласив вердикт пострадавшей: «Синяка не избежать, но с переломом вроде пронесло».

Ещё раз хорошенько осмотрел незнакомку. Какая же она всё-таки милая.

Кукольное личико, обрамленное веснушками, золотисто-волнистые волосы, заплетенные в две пышные косы, которые сейчас, к сожалению, превратились в два небрежных колтуна, и эти пухленькие, бледно-розовые губки, что зазывно приоткрылись в бесчувственном сне и пробуждали в моей башке самые грязные фантазии.

О том, что я хотел сделать с её хорошеньким ротиком, лучше промолчу.

Это ж каким нужно быть тупорылым отродьем, чтобы осмелиться поднять руку на такого безобидного ангела?

Подумал об этом и вновь ощутил, как внутренний бык начал просыпаться где-то в районе груди, выть, фырчать и со всей дури гатить копытами по недрам души.

Если честно, думал, что порешаю уродов. На куски разорву. Но, видимо, мысль о том, что девочке нужна была срочная помощь, утихомирила внутреннее зверьё.

Бык разбушевался не на шутку. Ух, как же сложно было его обуздать. Меня выбить из колеи – как пальцем щёлкнуть. Сложнее потом усмирить. Закипаю всегда, что музыку слушаю. А вот остываю... Тут уж как получится.

В тюрьме, во время потасовок, меня обычно шокерами усмиряли. Только таким жестоким способом удавалось загнать рогатого беса в загон.

С тех пор как сел в тюрьму после неудачного ограбления банка, я стал сам себя бояться. Неконтролируемые вспышки агрессии усилились. У меня и до зоны были проблемы с самоконтролем гнева. Наверное, именно поэтому мои предки в десять лет сдали меня в детдом, а сами свалили за границу. Тюрьма лишь усугубила недостатки моего характера. За четыре

с половиной года я изменился до неузнаваемости. И вряд ли эти изменения коснулись моей лучшей стороны.

* * *

Укрыл Дюймовочку одеялом. Устало выдохнул. Сам в этот момент сидел на коленях на полу напротив её кровати и зачарованно пялился на эту спящую красавицу, каждую минуту считая пульс незнакомки, проверяя дыхание и температуру тела. Кожа девушки на ощупь напоминала кусок льда. Это меня насторожило.

Укутал её тремя одеялами, но руку со щупленького запястья так и не стал убирать. Боялся, что она... просто перестанет дышать. И никогда больше не откроет глаза. А всё потому, что я, эгоцентричный тюфяк, вовремя не вмешался. Ибо в тот момент думал лишь о своей жопе. О том, что, если меня обнаружат, свидетелей придётся под берёзкой прикопать. В том числе... и девчонку.

Где-то в груди, да и в башке тоже случился ядерный взрыв! Рассудок переклинило. Нет, тупо замкнуло. Мозг вырубился. Проснулся бык. И я до сих пор не могу понять почему. На кой хер она мне сдалась? Знать её не знал и не собирался знакомиться. Но что-то внутри решило иначе.

* * *

Смотрел на девчонку уже битый час, наверное. Ручонки её крохотные усердно отогревал своими лаптями, ножки мямил и растирал, до испарины на лбу, пока не понял, что окончательно выдохся из сил, и не вырубился. Прямо там, на облезлом полу убогонькой избёнки, напротив её кровати, как дворняга какая. Преданная, млять, до последнего вздоха собака.

Ох, и намаялся я с этой Асей.

Асей? А, нет же! Один из мразот сказал, что девчущку зовут Аля.

Если ей не полегчает, я, бл*ть, вернусь обратно на болота и утоплюсь нах*й.

Встряла, чтоб её, в самое сердце заноза. Если честно, девчущка-то отважная. Сражалась и билась до последнего крика, благодаря чему вызвала уважение в моих глазах.

Сам не понял, как так получилось, но я вырубился. Как младенец. Неудивительно! Двое суток на ногах. Даже больше. Так знатно отключился, будто сдох на веки вечные, что даже позабыл, что я вовсе не у бабули в деревне на отдыхе тусуюсь. А «в гостях» у заложницы.

Часа два проспал. И ещё бы столько же с удовольствием подрых, если бы не услышал внезапный скрип половиц. Резко подорвался на месте и рефлекторно принял боевую стойку, выставив вперёд сбитые до мяса костяшки в сторону источника шума.

Мать вашу!

Она стояла в шаге от меня с тесаком в руке и дрожала, как напуганный до полусмерти беспомощный зайчонок. Рваный халат уродливыми хлопьями свисал с истощенного тельца малышки, а на носу выступила свежая кровь. Кажется, её даже не смущало, что на ней, кроме рванины, больше ничего нет. Лишь голенькая грудь с искусственно торчавшими сосками и нежная киска, покрытая ордой мурашек.

Ох*еть!

В штанах мгновенно стало тесно. А поскольку воровать чужое белье было как-то стремновато, то член было не обуздать. Встал как кол. На всю свою нехилую длину. Твёрдый, налившийся горячей кровью и спермой, готовый в любую секунду лопнуть от грёбанного недержания.

Бля. Как не вовремя.

– Ты ножичек то это... убери, – старался помягче базарить. Но девчушка была настроена весьма воинственно. – Не то... ручки поломаю.

Зря я это прыснул. Идиот.

Ну и кто ты после этого? Не лучше тех сраных утырков. Один из них даже обоссался, когда задом вылетел в окно, а мордой – в коровью лепёшку.

– Не двигайся! Не подходи! Или пожалеешь!

Зашипела она с угрозой в голосе, а сама дрожала, как будто ей за шиворот сыпнули бочонок льда. И нож в её бледненьких ручках лихо подпрыгивал, в то время как на густых ресницах мерцали крупные бисерины слёз.

– И что же ты сделаешь, красавица? Я уже заценил твои перлы. Не будь меня рядом, они...

Лучше заткнись!

Сама виновата. Я к ней по-доброму, кулаки замарал о чужое дерьмо, а она выпендриваться вздумала! Огрызком тут своим размахивает. Хоть бы спасибо сказала, что не дал двум прыщавым мудозвонам оттрахать соплячку до сквозных дыр.

– Ты кто такой? И как оказался в моём доме?! – взгляд исподлобья, трясётся как в лихорадке, но все равно этим своим взглядом изумрудных глаз бросает мне, сучка, вызов.

– Никто. И звать меня никак. А вопросы тут буду задавать я. Усекла? – лениво зевнул и поднялся с пола, соблюдая железное спокойствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.